

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

12(1)
2019

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- А.А. Кокошин** — О прогнозах Энгельса относительно первой мировой войны 3
- С.С. Козлов** — Тотальный кризис российской деревни в 90-х гг. XX в. 17

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- С.В. Рыбаков** — К вопросу о познавательном потенциале исторической науки 49
- С.Г. Кцоева, А.Х. Хадикова, З.Т. Плиева, И.В. Лохова** — VS схема мировой истории К. Ясперса в обосновании всемирно-исторической роли Запада 59
- В.М. Новосёлов** — Состояние здоровья В.И. Ленина. 28 мая — 30 июня 1922 г. 72

СООБЩЕНИЯ

- М.А. Безнин, Т.М. Димони** — Личное приусадебное хозяйство как индикатор отмирания аграрного общества в России 84
- А.М. Мацук** — Автомобильный пассажирский транспорт в Арктической зоне Европейского Севера России (советский период) 97
- В.М. Кружинов, З.Н. Сокова** — Брестские коллизии: политическая борьба по вопросам войны и мира на Урале 106
- С.Е. Виноградов** — Пермский оружейный завод в планах производства крупнокалиберной морской артиллерии накануне и во время первой мировой войны 119
- С.Ю. Краснов** — Культурно-просветительная деятельность местных корреспондентов в обычно-правовых представлениях донских казаков во второй половине XIX в. 136

Выходит
с 1926 года
ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

Л.В. Ольшанская — Особенности организации и деятельности Одесского коммерческого суда в XIX в.	156
Н.С. Цинцадзе — Экологические проблемы аграрного общества России и их решение: модель государственно-общественного взаимодействия	166
К.А. Голиков — Социокультурный аспект модернизации России в XVIII—XI вв.: от аптекарского огорода до Ботанического сада Московского университета.	180
Я.Г. Солодкин — Институт временного воеводства в Сибири XVII в.	195
Н.Н. Крадин, А.Л. Ивлиев — Забытая империя: кидани и их роль в мировой истории	204

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

А.М. Феофанов — Образовательные стратегии псковского дворянства второй трети XVIII в.	217

НАРОДЫ РОССИИ

И. В. Пивоварова — Национальный образ Сибири конца XIX в. (по результатам переписи 1897 г.)	226
А.Х. Боров, Е.Г. Муратова — Северный Кавказ и революция 1905—1907 гг.: проблемы концептуализации ..	236

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

А.А. Чемакин — П.Б. Струве на белом Юге России осенью 1919 — зимой 1920 г. (к 100-летию «Размышлений о русской революции»)	252
И.В. Высоцкий, И.А. Сафонов — Исторические и экономические воззрения Л.Э. Шишко как представителя народничества	266
А.В. Малинов, В.Н. Морозов, Л.Г. Тоноян — «...Я сделал лучшее дело моей жизни»: работа В.И. Ламанского в венецианских архивах	275

«...Я сделал лучшее дело моей жизни»: работа В.И. Ламанского в венецианских архивах

А.В. Малинов, В.Н. Морозов, Л.Г. Тоноян

Аннотация. Целью публикации является актуализация научного наследия известного слависта, профессора Санкт-Петербургского университета и видного представителя позднего славянофильства В.И. Ламанского (1833—1914).

Ключевые слова: Ламанский, панславизм, славянофильство, Венецианская республика, история Санкт-Петербургского университета, социология в России.

Abstract. The publication aims at actualization of the scholarly legacy V.I. Lamansky (1833—1914), an outstanding Slavic scholar, professor of St. Petersburg University and a notable representative of the late Slavophilism.

Key words: Lamansky, panslavosm, Slavophilism, Venetian Republic, history of St. Petersburg University, sociology in Russia.

Научное наследие академика Владимира Ивановича Ламанского (1833—1914) насчитывает более 400 опубликованных работ, включая четыре монографии, многочисленные статьи, лекционные курсы, отзывы, рецензии, газетные публикации, издание архивных материалов и т.п. Основная тематика его исследований — славяноведение. Ламанский был крупнейшим славистом своего времени, более тридцати лет преподававшим в Петербургском университете, создателем научной школы¹. Современники по-разному относились как к его личности, так и к его научным трудам. Ламанский нередко откликался на современные события в газетах и журналах, указывал на истоки и связь политических и культурных реалий с историей и мировоззрением народов в, казалось бы, чисто научных ра-

Малинов Алексей Валерьевич — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН. E-mail: a.malinov@spbu.ru; *Морозов Виталий Николаевич* — кандидат философских наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: vitelos@yandex.ru; *Тоноян Лариса Грачиковна* — кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Malinov Alexey V. — doctor in Philosophy, professor at the St. Petersburg State University, leading researcher at the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Scientific Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: a.malinov@spbu.ru; *Morozov Vitalij N.* — PhD in Philosophy, researcher at the St. Petersburg State University. E-mail: vitelos@yandex.ru; *Tonoyan Larisa G.* — candidate in Philosophy, associate professor at the St. Petersburg State University.

ботах и лекциях. Он открыто объявлял себя последователем славянофильства и, без сомнения, был крупнейшим представителем этого направления в Петербургском университете. Современных исследователей привлекает, в первую очередь, геополитическая концепция Ламанского (сам он относил свои работы к области политической географии), в которой многие видят предвосхищение идей евразийцев². Полнее всего его философско-историческое учение, переходящее в геополитические построения, выражено в трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892). Ламанский указал как на географическую обусловленность формирования цивилизаций и особенностей их культурно-исторического развития, так и на геополитическую роль языков, конкуренция и борьба между которыми, по его мысли, будет определять цивилизационное развитие целых регионов.

Больше всего споров и отзывов вызвала первая книга Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859), в которой был собран не только уникальный исторический материал, не всегда соответствовавший научным представлениям своего времени, но и впервые обоснована точка зрения славянофилов на историю славянских народов³. Если ранние славянофилы исходили из романтической идеи народности и ее духа, выраженного в языке, литературе, фольклоре, то Ламанский на исторических фактах старался продемонстрировать общность исторических судеб славянских народов, единство их основных психологических установок, типичность многих явлений как исторической, так и современной жизни, что позволяло проводить нетривиальные параллели и фиксировать подобию в истории как отдельных славянских народов, так и одного народа. В его докторской диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира» (1871) был сделан историографический и философско-исторический анализ взглядов европейских ученых, прежде всего немецких, на славянство. Однако сам ученый считал своей главной заслугой перед наукой публикацию обширного сборника архивных материалов «*Secretes d'État de Venise et rapports de la République avec les Grecs, les Slaves et les Turcs au XVI siècle. Documents, extraits, notices et études*» (Государственные тайны Венеции и отношения Республики с греками, славянами и турками в XVI веке. Документы, выдержки, заметки и этюды) (1884).

Издание «Государственных тайн Венеции» готовилось на протяжении полутора десятилетий. В его основу легли материалы, которые ученый собрал в венецианских архивах во время командировки 1868—1869 годов. Это была его вторая заграничная поездка, менее продолжительная, чем первая (1862—1864), но более плодотворная. Главная ее цель состояла в завершении работы над докторской диссертацией, но ее результаты оказались значительно шире. В этот период, еще находясь в Венеции, Ламанский опубликовал в «Журнале министерства народного просвещения» один из самых известных циклов своих статей «Непорешенный вопрос», который его учитель и декан историко-филологического факультета И.И. Срезневский предлагал представить в совет факультета в качестве докторской диссертации. По возвращении в Россию в 1870 г. Ламанский приступил к публикации в журнале «Заря» своей докторской диссертации (отдельное издание 1871 г.) и начал обработку привезенных архивных материалов.

Первоначально ученый надеялся найти в венецианских архивах сведения об ускоках, о которых намеревался написать исследование, но

обнаруженные материалы значительно скорректировали и расширили его планы. Интерес к ускокам для Ламанского не был случайным. Еще в книге «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» он писал об «охочих, вольных, беглых и гулящих людях из славян» и прослеживал их значение в истории славянских народов. Типологически движение ускоков сближалось с казачеством и гайдучеством. Насколько увлечение ускоками вписывалось в работу над докторской диссертацией Ламанского? Однозначно ответить на этот вопрос трудно, поскольку он далеко не сразу определился с темой своей диссертации, намереваясь вначале подготовить исследование о «Законнике» Стефана Душана. Уже находясь в командировке, он написал серию статей «Непорешенный вопрос». Параллельно собирал материалы об ускоках, которые привели его к источникам по истории Венеции XV—VIII вв. (политические убийства, материалы Совета Десяти и проч.). В итоге его докторская диссертация оказалась совсем о другом: обзор мнений европейских ученых, прежде всего немецких, о славянах.

Планы работы над диссертацией менялись по ходу знакомства с новыми архивными материалами. «Некоторые главы, по крайности две главы, — писал он родителям, — надеюсь написать еще за границу. Дай только Бог уменя и таланта получше отделать эту работу. Любопытного бездна»⁴. Постепенно Ламанского захватили новые сюжеты и сведения, открываемые им в архивах. В декабре 1868 г. он уже признавался в письме матери из Венеции: «Надо Вам сказать, что при той тишине и великом спокойствии, которыми я здесь пользуюсь, и при которых так хорошо работать, здесь есть и большие неудобства для нашего брата. Это именно недостаток самых необходимых подручных, справочных книг. Если что и есть, то трудно достать. Из Публ[ичной] б-ки можно брать на дом не все книги, и то не всегда. Заниматься же в библиотеке печатными вещами грешно, когда у меня есть столько рукописей, которые надо пробежать, прочитать, извлечь.

Не думайте также, чтобы все, над чем здесь работаю, войдет в диссертацию. У меня собирается материал на весьма большой труд, маленькую часть я пушу на доктора. Этот же труд составит большое сочинение в две, три части. Не бойтесь, чтобы теперь меня что-нибудь отвлекло от него. Хлопоты о славянах я прекращаю. Теперь есть много желающих и более моего молодых и на это способных. Я хочу, я решил посвятить следующие годы моей жизни написанию такого исторического сочинения, которое было бы столько же ученым, сколько и литературным произведением. Плохой казак, который не желает быть атаманом. Я хотел бы оставить по себе памятник, труд, который бы мог иметь влияние и доставить мне имя в литературе. Очень может быть и даже вероятно, что всё это фантазия, но у меня засела в голове такая мысль, и я употребляю все от меня зависящее для ее осуществления»⁵. Еще только приступая к обработке собранных архивных материалов и начиная осознавать масштабность замысла, Ламанский уже предчувствовал и грандиозность итога.

Обстоятельства пребывания в Венеции, где он проживал, по собственному признанию, под именем «Signore professore», и работу в архивных хранилищах отчасти можно реконструировать по его письмам к родным. В них, помимо прочего, находит отражение и даже объяснение

итоговый выбор Ламанским темы докторской диссертации: мнение европейцев о славянах и русских. «... жизнь моя очень однообразна, — признавался он родителям. — До 4-х часов в архиве, потом в кафе. Изредка я хожу в театр или беседую с кем-нибудь из здешних на С[в]. Марке. Так сегодня вечером долго я проболтал с хозяйкою и с ее сыном. Все говорили о Польше и о нашем варварстве. Вы себе представить не можете, какие безобразные понятия сложились в этой старой Европе о России. Что об ней пишут здешние журналы? Все это так глупо и смешно, и тем смешнее, что мы во многом стоим выше их. В некоторых отношениях европеец невероятно туп и ограничен, и при том он никогда не забывает, что русские, дескать, варвары и с ними надо говорить иначе, снисходя к их понятиям. Впрочем, я всегда в конце концов рад, когда встречаю в Европе низкие понятия о России. Борьба Европы с Россией несомненна, неминуема. Война с Россией рано или поздно улыбается Западу. Они все здесь убеждены, что Россию ослабить, обессилить и, если можно, уничтожить для них необходимо. Тем лучше, значит, для нас, если противник так себя ценит и так мало нас уважает. В науке, даже в искусстве, не говорю о церкви, современные итальянцы стоят значительно ниже нас, а между тем они все глядят на нас с высока своего величия. С большею частью из них серьезно о России я никогда не разговариваю, только смеюсь и дразню их, постоянно им толкую, что вся эта Европа постоянно работает в нашу пользу, думая нам навредить, и в заключение утешаю их тем, что рано или поздно только мы возьмем Константинополь, так как после турок только русские могут им владеть. Войны нам теперь конечно надо всячески избегать, и заботиться только о школах, литературе, науке, искусствах, промышленности и торговле, побольше строить железных дорог и торопиться с балтийскими немцами, остальное все приложится нам. Хорошо бы только было, ух, как хорошо бы, если бы Франция с Пруссией сцепились. Это было бы величайшее несчастье для Европы и большое счастье для нас.

По утрам за чашкою кофе или после обеда я прочитываю и пробегаю некоторые иностранные газеты, но вообще за политикой слежу мало. Меня гораздо больше занимают всех этих современных толков какие-нибудь документы XVI в. Только бы хватило у меня дарования воспользоваться этими драгоценнейшими материалами для живого описания и представления Далмации и Ускоков в XVI в. Работаю в архиве с возрастающим вниманием, и было бы грешно иначе. Боже мой! какие здесь сокровища! Представьте себе — у нас для XVIII в. не найдется в многих случаях таких подробных материалов, какие здесь имеются для XV и XVI в., когда Венеция была большим морским государством, разумеется благодаря главнейше греческим и славянским подданным своим. Сегодня вечером не работал отчасти и для того, чтобы не очень утомлять глаз. Окончательно обработать всех моих материалов здесь в Венеции я не буду в состоянии, а первых двух глав и введения я не примусь писать здесь, так как при мне нет самых необходимых книг о славянщине. Но некоторые главы моего труда я буду уже здесь писать»⁶. Как видно, письмо поясняет, почему Ламанский не уделял столь много внимания диссертации, как того можно было ожидать, и сосредоточился на тех сюжетах, которые открывали ему архивы. В письме он также не случайно упоминает русский XVIII век. В конце 1850-х — первой половине 1860-х гг. Ламанский опубликовал

большой объем архивных материалов XVIII в., в том числе относящихся к истории Академии наук и деятельности М.В. Ломоносова. Переутомление, вызванное работой в архиве, привело к болезни глаз Ламанского, о которой в марте 1869 г. в письме сообщал В.В. Макушев.

В архиве Ламанский работал, как правило, четыре дня в неделю, остальное время занимаясь в библиотеке. «По вечерам сижу обыкновенно дома, утро до 3 ½ ч. в Архиве или Библиотеке» ⁷, — извещал он родителей и продолжал в другом письме: «Новостями интересуюсь мало. Занимает меня теперь прежде всего — побольше прочесть, отметить и списать в Архивах, поскорее и во время получать жалованье и иметь постоянные известия от Вас» ⁸. Об этом же он сообщал и друзьям. «Работаю усерднейше, как давно уже не работал, — писал он 9/21 сентября 1868 г. Л.Н. Майкову, — ежедневно нахожу, отмечаю, извлекаю, списываю разные превосходные вещи (о Далмации и Ускок [ах] в XVI в. и в нач [але] XVII в.), и надеюсь, что время провожу здесь не даром... Я здесь живу в Венеции XVI в. и в ее восточных провинциях, преимущественно Истрии и Далмации и решительно ничего не знаю, что творится у Славян, в России. Я очень рад такому уединению, и Бог даст оно оставит полезный след в моих будущих работах» ⁹. В ответ Майков писал ему из Петербурга 7 октября 1868 г.: «Радуюсь за Вас, что Вы нашли хорошие вещи в Венецианском архиве» ¹⁰ и выражал пожелание подготовить на их основе большое исследование. «Откровенно говорю Вам, что от Вас, по Вашим силам, должно видеть именно такого труда, а не одного подбора сырых материалов. Ваша работа должна быть пошире и поглубже», — призывал Майков ¹¹. В том же духе свое пребывание в Венеции Ламанский описывал А.И. Артемьеву. «Я живу здесь очень смиренно, почти отшельнически, выдаюсь мало с кем, — признавался он в письме от 25 октября 1868 г., — каждый день, кроме воскресений, в архиве с 9½–3½ ч. Читаю каждый день иностранные газеты, но вообще все современное уходит от меня на задний план. Новый любопытный документ в Архиве гораздо для меня важнее и интереснее всех интересных телеграмм и передовых статей и речей Бейста, Станлея» ¹². «Мои венецианцы и турки, и их подданные греки и славяне, занимают все мое свободное и несвободное время», — повторял он уже в письме матери от 23 февраля 1869 года ¹³. Интенсивность работы в архиве не снизилась и в следующем году, так что один из его учеников, А.С. Будилович, 25 июня 1869 г. констатировал в своем письме: «... вы совершенно поглощены венецианскими архивами и влюблены в них, т. е. в эти архивные документы, а не в Венецию, к которой вы оказываетесь столь неблагодарным за ее гостеприимство» ¹⁴.

Результатом архивных радений Ламанского стали «Secrets d'État de Venise». Вначале он слабо представлял, до каких размеров может разрастись исследование. Параллельно он работал над статьями «Непорешенный вопрос», но признавался матери, что его «статьей» могут заинтересоваться пять-шесть человек: «выписки, извлечения и грамматические примеры. Вот и писательство Венецианского периода» ¹⁵. Совсем иной мир открывали ему архивы. «Итальянские дипломаты XV и XVI в., даже маленьких дворов, отличаются своею тонкою наблюдательностью, высокою образованностью, ловкостью, удивительным умением доставать и собирать самые секретные сведения и замечательным талантом описывать

и излагать самые сложные и запутанные происшествия, очерчивать характеры, обычаи, нравы», — делился Ламанский впечатлениями от архивных сокровищ Венеции с родителями в письме от 10/22 апреля 1869 года¹⁶. Архивная работа настолько его увлекла, что он признавался матери: «Последние 6, 7 месяцев принадлежат к самым рабочим дням моей жизни, мало знакомой с ленью и праздностью»¹⁷. Сознавая важность источников, которые открыли ему венецианские архивы, он вновь писал матери 4/16 мая 1869 г.: «... но я теперь меняю свой образ жизни. Бросаю всякие агитации и комитеты, переписку с славянами и пр. ... пишу и читаю и думаю о турках и латинах в 15—16 в. Без бахвальства могу сказать, что в этот год я сделал лучшее дело в моей жизни, но это лучшее дело мое еще только начало, только незначительная часть дела настоящего. Надо все это обделать, обработать, дать художественную форму. Вот над чем надо теперь мне поработать. Старому холостяку даже от скуки надо придумывать себе разные трудные, головоломные и нескончаемые занятия»¹⁸.

В общей сложности за время командировки Ламанский проработал в итальянских архивах тринадцать месяцев. Постепенно накапливалась усталость и начинала одолевать тоска по родине. В начале июня 1869 г. он признавался матери: «Иногда, по правде сказать, я устаю от моей архивной работы, и тогда гляжу на нее, как на обязанность и службу. Впрочем, вообще работаю с удовольствием. Главное соскучился по России и особенно по доме»¹⁹. «Вы можете мне поверить, — писал он матери в другом письме, — что я не отвык от семьи, но здесь живя совершенно одиноко, встречая любезности, но не ласку, не радушие, не ту искреннюю, сердечную доброту, которая есть только у славян и преимущественно у русских, — здесь как то привыкаешь суживаться, запечатываться. Читая письмо Ваше, я вдруг снова перенесся в мой мир, от которого сам убежал, и я радовался, вспоминая, что этот мир мне не чужой, а и есть мой настоящий; а что тот мир, в котором я живу теперь, не только внешне, но и внутренне, есть мир мне совершенно чужой»²⁰. Однако затем он вновь возвращался к любимой работе: «Вообразите, голубушка, я становлюсь в высшей степени скучен и несносен. Я готов всем и постоянно говорить о Венеции, о Далмации, о турках, австрийцах, испанцах XVI в., о тонкой наблюдательности, о мастерской живости характеров, о бездушии и бессердечности, о низости и коварстве, об ядах венецианцев. О, Европа умная, ловкая, образованная и блестящая и вместе с тем подлая, низкая и насквозь изолгавшаяся. Нет ничего противнее для меня, когда читаешь или слышишь, что европеец нас, Византию упрекает в испорченности и безнравственности, и нет ничего смешнее наших русских европейцев, скорбящих о том, что мы так мало похожи на Европу и во всем у нас хорошем видящих лишь слабое отражение и след Европы. Беда в том, что наши господа, поклонники Европы, ее собственно не знают и в источниках не изучали. Езуитство в ней существует гораздо раньше Лойолы. Это явление глубоко национальное. Быть может по этой части я до приезда моего в Россию кое-что напечатаю в [“Заре”]. Вы содрогнетесь и отвернетесь с ужасом от этого невообразимого коварства и от этой подлости души, которая выступает тем ярче, при утонченности образования и великих способностях ума. И тут не люди виноваты собственно, не Иван, не Пётр, а руководящие начала, в которых живут и умирают целые

поколения. Конечно, до протестантов это не относится»²¹. Упреки, которые Ламанский бросает в письме Европе, не относятся к псевдославянофильским предрассудкам о «загнивающем Западе». Ламанский имел возможность непосредственно познать европейскую жизнь и приобщиться к тайнам европейской истории. Двуличие Европы отпугнуло его и только укрепило славянофильские убеждения.

Впрочем, оставалось время и для досуга, изредка отвлекавшего его от архивных занятий. В письмах родным он упоминает, что ходит к Бакуниным, Рененкампу, встречается с Васильчиковым. Макушев неоднократно передавал Ламанскому, уже вернувшемуся в Россию, приветствия от М.С. Дринова и княгини Голицыной. «Княгиня постоянно отзывается о Вас с высочайшими похвалами», — сообщал Макушев из Неаполя 11/23 января 1870 года²². В конце декабря 1868 г. Ламанский писал матери: «... останавливаюсь перед разными паяцами и марионетками, прислушиваюсь к толпе, заглядываюсь на хорошеньких венецианок и форестьерок и подумываю о Восточном вопросе, о старой Венеции, для которой он всегда существовал, о славянах и России, соображаю про себя о разных новых данных и сведениях, только что собранных в Арх[иве] или библиотеке, как бы это, мол, получше изложить да переделать и куда и после чего вставить»²³. Жизнь на чужбине явно тяготила Ламанского. Контраст между историческим величием Венеции, приоткрываемый архивами, и ее текущим положением европейской периферии, его удручал. «Здесь никакой хорошей музыки не слышишь, — сетовал он в письме матери 23 февраля 1869 г. — Ох, если бы Вы знали, какая здесь жалкая, скупая, провинциальная жизнь. В первый раз, когда я был в Венеции, всю беду сваливали на австрийцев. Теперь видишь, что тогда жизнь была полнее: интриговали, агитировали... жили в надеждах и ожидании»²⁴.

Дворяне Ламанские не имели иного дохода кроме службы. Не владели в прошлом крепостными крестьянами, не ходили в царских фаворитах, не нажили имущества. Единственным средством существования для Владимира Ивановича была служба и литературный заработок, поэтому столь часто в письмах он обсуждает выплату жалования и отправку ему гонораров за публикации. На протяжении всей его долгой жизни, кажется, не было периода, когда бы материальная нужда не угрожала ему и его семье. Не обошла она его стороной и во время заграничной командировки. В письмах из Венеции он изредка упоминает о долгах, как, например, 1/13 ноября 1868 г.: «В конце месяца всегда сидишь без денег, истратишь по обыкновению все, что можно было достать в долг, заложишь часы, за которые, как серебряные, давали мне 13, 17 и наконец нынче дали 20 франк.»²⁵ Судя по переписке, Ламанский регулярно оставался без необходимых для существования средств. «Теперь же я всегда вынужден обманывать тех, у кого занимаю в долг или с кем расплачиваюсь, обыкновенно у бедняков же», — признавался он родителям²⁶. И в этом же письме с горечью замечал: «Мои работы и занятия идут по-прежнему, но жизнь отравляется этим постоянным беспокойством и ожиданием нескольких рублей. Скажите, разве это порядок? Русские, живущие на счет государства за границей, постоянно бедствуют, постоянно получают деньги не во время. Почему бы, напр[имер], не выдавать мне теперь жалованья за 2, за 3 месяца. Тогда бы хоть несколько недель жил спокойно»²⁷. Матери-

альное положение Ламанского усугублялось не только небольшой суммой выделенных министерством денег, но и их несвоевременным поступлением. Более того, помимо личных затрат, он вынужден был оплачивать работу переписчиков, поскольку не успевал самостоятельно скопировать все нужные документы. Ежемесячно Ламанский тратил на переписчиков в архивах Венеции и Милана по 150 франков и при этом вынужден был закладывать в ломбард вещи, чтобы выгадать 15—20 франков на неотложные нужды. Тридцатью годами позднее, в письме Майкову он вспоминал: «Все мои материалы (больше пол[овины] еще не изданы), собранные в Венеции, переписаны мною и чиновник[амии] Архива из моего доцентского жалованья, за курьера[?] посылавшей в Венецию я платил уже из моего кармана. Вся награда за “Scer[ets] d’État [de Venise]” составила 200 экзempl[яров], не больше, кажется» (Ламанский, 2009: 207).

В архивах Милана, Турина, Неаполя, Палермо, Болоньи, Генуи, Венеции (после возвращения ученого в Россию) поиском интересующих Ламанского документов занимался Макушев²⁸. Так, уезжая в Турин, он писал Ламанскому 6/18 сентября 1869 г.: «Перед отъездом из Милана я опоздал отравить на почту изготовленные для Вас копии; посылаю их теперь из Турина. К сожалению, копия рукописи о венецианском правительстве не покончена — и потому, что у меня не было средств снабжать более писца деньгами, а от Вас я получил только во вторник вечером, и с среды только мог настаивать на спешности работ; но остается не много, и этот конец пришлет Вам Бранка, который должен выехать в Рим и рассчитаться с писцом за последние страницы; ибо из денег Ваших у меня ничего не осталось»²⁹. Макушев был занят самостоятельной исследовательской работой в итальянских архивах, поэтому для копирования документов, необходимых Ламанскому, вынужден был нанимать писцов. В Милане Макушев вместе с Бранкой также переводил фрагменты книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» на французский язык³⁰. Ламанский отчасти оказался инициатором этого перевода, поскольку передал Макушеву номера журнала «Заря» с опубликованными главами книги Данилевского. В марте 1869 г. Макушев пригласил Ламанского «приехать сюда (в Милан. — *А.М., В.М., Л.Т.*) на праздники, во время которых венецианский архив будет закрыт, я бы Вам вручил копии актов, переписанных для Вас»³¹. По большей части это были документы XV века. Ламанский принял приглашение друга и несколько дней в марте 1869 г. провел в Милане, два из которых проработал в архиве. «Я поехал в Милан главное, чтобы проветриться. В тихой, полумертвой Венеции в праздники (была светлая) особенно, когда не в Архиве, берет тоска страшная», — объяснял он причины своей поездки родителям в письме от 23 марта/4 апреля 1869 года³². В том же письме он указывал на отличие буржуазного Милана от провинциальной Венеции: «Милан и Ломбардия самые промышленные и торговые части Италии. В Мил[анне] теперь около 300 т[ысяч] жит[елей]. Город постоянно растет и строится. Недавно выстроена и еще продолжается галерея-пассаж, величественное и изящное здание, которое бы сделало честь любой столице. В Венеции все современное и новое — бедно, сонно, лениво, в Мил[анне] беспрестанно видите богатые магазины, отличные экипажи, не особенно изящные, но огромные и новые дома. Видно люди трудятся, работают, богатеют.

На площадях и улицах не видать страшной массы празднующихся оборванцев, как здесь»³³.

Помимо архивов Венеции и Милана, Ламанский намеревался, возвращаясь в Россию, поработать в архивных хранилищах Мантуи и Феррары. В одной из более поздних публикаций он делился впечатлениями от поисков в частных итальянских архивах: «Мне приходилось лично наблюдать в Венеции и Фриуле представителей двух древних графских родов, которые доставили мне возможность работать в их домашних архивах. Оба они были люди совершенно беззаботные на счет литературы и науки. Один занимался сельским хозяйством, охотой, а в свободное время брабью и руганью Италии Кавура и Виктора-Эммануила. Другой был весь отдан разным экономическим спекуляциям. Их архивы, их коллекции рукописей в сущности ни мало их не занимали. Но они любили при случае поговорить о них, похвастаться ими; не зная их настоящего достоинства и значения, они страшно преувеличивали их внутреннюю и внешнюю ценность, хотя они никогда не думали об их продаже общественным или правительственным учреждениям. Для этих коллекций были отведены еще дедами хорошие помещения в палаццох. Рукописи содержались в чистоте и порядке, по издавну заведенному обычаю. Владельцы никогда их не читали, толку в них решительно не понимали, но гордились ими, величались и тщеславились, как своими гербами, генеалогическим древом, старыми дипломами и привилегиями своих предков, портретами своих дедушек и прабабушек»³⁴. Помимо копий архивных документов, конспектов и выписок, Ламанский вывез в Россию и большое количество книг о Венеции (часть книг для него приобрел в 1870—1871 гг. Макушев). В последующие годы он постоянно пополнял свою библиотеку, поэтому не без гордости писал в 1910 г. И. В. Ягичу: «Я думаю, что такой коллекции книг о Венеции ни у кого нет ни в Петерб[урге], ни в Москве, ни в Киеве»³⁵.

Вернувшись в Россию, Ламанский завершил работу над докторской диссертацией и сразу же приступил к подготовке издания собранных архивных документов, которая сопровождалась исследовательской работой. С 1870 по 1874 г. было отпечатано 472 страницы из более чем тысячестраничного тома. При этом Ламанский продолжал заказывать из архивов и обрабатывать новые документы. Оставшийся еще на два года в Италии Макушев присылал ему выписки из архивов о Венеции и Турции, об ускоках, о славянских поселениях в южной Италии, о султани Джеме, снял копию «Истории ускоков» во флорентийском архиве и т. п. Ламанский, в свою очередь, сообщал Макушеву интересующие его сведения из архивных материалов венецианского Совета Десяти и проч. Доступ к необходимым документам и возможность их копирования обеспечивались не только оплатой работ переписчиков, но и тщеславием итальянских архивистов. В письмах Макушев напоминал Ламанскому о необходимости ходатайствовать перед министром народного просвещения Д. А. Толстым о награждении руководителей итальянских архивов орденом Св. Станислава III степени.

Привезенные документы из венецианских архивов Ламанский использовал и для «натягивания и раздувания» своих заслуг перед «Советом» (надо полагать, Петербургского университета и, возможно, в связи с отчетом о командировке). В письме, адресованном К. Н. Бестужеву-Рюмину, и, вероятно, относящемуся к 1869 или 1870 гг., он отмечал: «Вчера

я уже говорил о своей записке, о себе, о своих великих заслугах на пользу мира и человечества. Как шансов на успех в Совете имеется очень мало, то Вы лучше моего понимаете, как приходится раздувать и натягивать мои права»³⁶. Бестужев-Рюмин вместе с В.И. Межовым составил библиографию работ Ламанского. В письме Ламанский просил дополнить ее публикациями исследований и архивных материалов о русской истории XVIII в., прежде всего о М.В. Ломоносове и Академии наук, упоминал о том, что сообщенными им сведениями пользовались в своих работах Ф. Палацкий (о чешских еретиках), И. А. Чистович (о Феофане Прокоповиче), указывал на то, что в предисловии к книге Л. Штура «Славянство и мир будущего» привел новые сведения по истории гуситского движения, а в 1868 г. в «Чтениях общества истории и древностей российских» опубликовал записку кн. А. Чарторыйского о «преобразовании Сербского княжества». «Да не обратите ли уж кстати вниманья и на мои материалы Венецианские. А чтобы сказать о них пару слов, не побрезгайте ко мне пожаловать и взглянуть на них, хоть, напр[имер], в Среду вечером (На площади Большого Театра, № 12). Чувствую всю комическую сторону моего положения, но, смеясь, порядком трушу», — заканчивал он свое письмо³⁷.

В 1875—1878 гг. работа над изданием не велась. На эти годы пришлись Боснийско-Герцеговинское восстание (1875—1876) и Русско-турецкая война за освобождение Болгарии (1877—1878). Ламанский, который никогда не был чисто кабинетным ученым, не мог остаться в стороне от этих событий. Он включился в работу Санкт-Петербургского славянского благотворительного комитета, одним из основателей которого был, организовывал сбор пожертвований, снаряжение добровольцев и т. д. Тогда же в первом томе «Славянского сборника» он опубликовал ценное исследование «Видные деятели западно-славянской образованности в XV, XVI и XVII веков»³⁸, которое, к сожалению, не было окончено. Но даже в таком виде оно представляло целую монографию, занимавшую в сборнике 170 страниц. В нем он затрагивал много важных вопросов, в том числе, касался истории «римской идеи», то есть идеи христианской империи, отношения церкви и государства и др., которые перекликались с архивными венецианскими материалами. В скором времени он включился в полемику по вопросу о подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей. Результатом работы Ламанского стал цикл статей «Новейшие памятники древнечешского языка»³⁹, в котором ученый аргументированно разоблачал литературные подделки. К сожалению, и этот цикл статей оказался незавершенным, хотя также мог бы составить отдельную монографию, поскольку даже в журнальном варианте занимал около 230 страниц. В них он показал те исторические предрассудки и иллюзии, которыми руководствовались деятели чешского национального возрождения и которых впоследствии он коснулся в предисловии к «Государственным тайнам Венеции». Необходимо добавить, что за это время, кроме упомянутых, ученый опубликовал более двадцати работ.

1875—1878 гг. были очень плодотворными для Ламанского в творческом отношении и одними из самых активных в отношении общественном и личном. В начале 1870-х гг. он женился, и помимо малолетнего к тому времени сына Владимира, за эти годы в семье появились четыре дочери. Не стоит забывать и о преподавании в университете, в котором в этот пери-

од Ламанский читал следующие курсы: «Историко-этнографический обзор славянских наречий и народностей вне России», «История славян», «История славянских литератур», «История польской литературы», «Критический обзор источников древнеславянской истории». В 1880 г. он перенес тяжелую болезнь, завершившуюся операцией по удалению нарыва на горле, что не позволило Ламанскому принять участие в Пушкинском празднике в Москве, на который он вместе с Ф. М. Достоевским и О. Ф. Миллером был делегирован Санкт-Петербургским славянским благотворительным обществом (в 1879—1880 г. Ламанский был его председателем).

Только в 1879 г. Владимир Иванович вновь занялся исследованиями, связанными с венецианскими документами, и в 1881 г. возобновил печатание книги. В итоге, книга вышла в декабре 1883 г., хотя на титуле был обозначен 1884 год. «Я весь нынешний год, а особенно с марта 82 г. и тем более с сентября, когда начались лекции, так занят, что положительно не имею свободной минуты, и если хожу в гости и в театры, то только, чтобы перевести дух. Вы сами увидите, когда получите мой том почти в 1000 стр., сколько тут нужно было работы. Писать о чем-нибудь другом, кроме Венеции я решительно ничего не могу. Делами домашними вообще мало занятый, я теперь совсем пренебрегу», — извещал он И. С. Аксакова⁴⁰. 22 ноября 1883 г. Ламанский уже писал Майкову: «Печатаю менее 400 экземпл[яров]. В России останется от 200 до 300, из них большая половина, $\frac{3}{4}$ пойдет в библиотеки, разным сановникам и профессорам. Следов[ательно], купят в России, если еще купят, быть может каких-нибудь пять экземпляров. Цена — 10 р., следовательно, ни по содержанию, ни по цене в большой публике книга обращаться не будет. Труд тяжеловесный и пугающий одним своим видом большую нашу публику. Около $\frac{2}{3}$ книги занято документами на Лат[инском] и Итальянск[ом] яз[ыках] (и то еще часто с Венецианизмами)»⁴¹. Печатавшаяся на протяжении почти пятнадцати лет книга лишена единой пагинации. Разные ее части (предисловие, оглавление, архивные материалы с исследовательскими очерками Ламанского, приложение, именной указатель) имеют самостоятельную нумерацию.

«Государственные тайны Венеции» — уникальное явление не только для русской, но и европейской науки XIX века. Ламанский публиковал документы на языке оригинала: латинском или итальянском. Предисловие, комментарии и исследования Ламанского были написаны по-французски, поскольку он адресовал свою работу, в первую очередь, европейским ученым. Выбор французского языка вызвал даже некоторое недоумение среди учеников Ламанского, который всю свою жизнь отстаивал права русского языка быть языком науки и темпераментно критиковал Академию наук за публикации научных трудов на немецком языке. Более того, основная идея, проходящая через все творчество Ламанского, охватывающего шесть десятилетий, — это идея русского языка как общего литературного, научного и дипломатического языка всех славян. Тем не менее, по иронии истории, одно из главных исследований самого Ламанского было издано в Петербурге на французском языке. Предисловие к «Государственным тайнам Венеции» — один из важнейших идеологических текстов самого Ламанского, в котором уже были сформулированы многие геополитические идеи, получившие развитие в «Трех мирах Азийско-Европейского материка». В нем нашла отражение идейная эволюция

славянофильства, позволяющая проследить его связь с последующим евразийством. Сознвая значение своего предисловия, Ламанский решил опубликовать большую его часть до издания самой книги в аксаковской газете «Русь» на русском языке⁴². В книгу были включены исследования или «этноды» Ламанского, интерпретирующее и дополняющие публикуемые документы: «О покушении на жизнь пап в средние века в XVI в. и о борьбе латино-германского запада с греко-славянским востоком» (с. 379—396); «О политических низостях в западно-европейских государствах XVI в.» (с. 417—459); «О роли инородцев в старой Венеции и новой Австро-Венгрии» (с. 547—551); «О социальном положении Венеции в XVI в.» (с. 671—850) и др. Все они представляли несомненную научную ценность, а исследование о социальном строе Венеции в XVI в. и вообще не имело в то время аналогов. Однако Ламанский, работая над своими «этнодами», преследовал и другую цель: обличить политическую систему европейских государств, частным случаем которой была Венецианская республика, показать аморальность европейской политики и пагубность тех цивилизационных начал, которые лежат в ее основе. Сборник архивных документов он превратил в политический и нравоучительный трактат, отражающий славянофильское восприятие европейской истории.

Примечания

1. ЛАПТЕВА Л. П. История славяноведения в России в XIX в. М. 2005, с. 378—431; ЕЕ ЖЕ. Владимир Иванович Ламанский (1833—1914) и его ученики. — Славяноведение. 2014, № 6, с. 82—96.
2. ИСАЕВА О. С., КОШАРНЫЙ В. П. Об источниках геосоциологии классического евразийства. — Известия учебных заведений. Поволжский регион. 2015, № 2 (34), с. 112—120.
3. МАЛИНОВ А. В. Магистерская диссертация В. И. Ламанского. — Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017, № 4, с. 36—46.
4. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН), ф. 35, оп. 1, ед. хр. 44, л. 76об.
5. Там же, л. 78об.
6. Там же, л. 74—74об.
7. Там же, л. 72.
8. Там же, л. 76об.
9. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН (РО ИРЛИ РАН), ф. 166, оп. 3, № 615, л. 3об. —4.
10. СПбФ АРАН, ф. 35, оп. 1, ед. хр. 892, л. 1об.
11. Там же, л. 2.
12. РО ИРЛИ РАН, ф. 166, оп. 5, № 23, л. 1об.
13. СПбФ АРАН, ф. 35, оп. 1, ед. хр. 44, л. 82.
14. Там же, ед. хр. 267, л. 35об.
15. Там же, ед. хр. 44, л. 73.
16. Там же, л. 85.
17. Там же, л. 77об.
18. Там же, л. 87.
19. Там же, л. 88.
20. Там же, л. 78.
21. Там же, л. 79.
22. Там же, ед. хр. 898, л. 54об.
23. Там же, ед. хр. 44, л. 70об.
24. Там же, л. 81.

25. Там же, л. 76.
26. Там же, л. 76.
27. Там же, л. 76—76об.
28. Там же, ед. хр. 898, л. 10—11об. и др.
29. Там же, л. 18.
30. Там же, л. 16.
31. Там же, л. 14.
32. Там же, ед. хр. 44, л. 83.
33. Там же, л. 83—83об.
34. ЛАМАНСКИЙ В.И. Новейшие памятники древне-чешского языка. Критические заметки о древнем и новом по истории славистики (памяти аббата Иосифа Добровского). — Журнал министерства народного просвещения. 1879, № ССІ, с. 121—122.
35. СПбФ АРАН, ф. 35, оп. 1, ед. хр. 78, л. 7об.
36. Там же, ф. 216, оп. 3, ед. хр. 209, л. 1.
37. Там же, л. 1—1об.
38. ЛАМАНСКИЙ В.И. Видные деятели западнославянской образованности в XV, XVI и XVII веков. — Славянский сборник. СПб. 1875, с. 413—584.
39. ЕГО ЖЕ. Новейшие памятники древне-чешского языка, с. 131—160, 313—366; ЕГО ЖЕ. Новейшие памятники древне-чешского языка. Критические заметки о древнем и новом по истории славистики (памяти аббата Иосифа Добровского). — Журнал министерства народного просвещения. 1879, № ССІІ, с. 118—159; № ССІІІ, с. 247—276; № ССІV, с. 1—33; № ССІХ, с. 312—353.
40. СПбФ АРАН, ф. 35, оп. 1, ед. хр. 1, 174—174об.
41. РО ИРЛИ РАН, ф. 166, оп. 3, № 615, л. 35.
42. ЛАМАНСКИЙ В.И. «Государственные тайны Венеции» (*Secretes d'État de Venise et rapports de la République avec les Grecs, les Slaves et les Turcs au XVI siècle. Documents, extraits, notices et études.* St.-Petersbourg. 1884. (том в 65 листов убористой печати) 8). — Русь. 1883, 15 ноября, № 22, с. 23—41.

Contents

Articles: **A.A. Kokoshin**. On the forecasts of Engels about the First World War; **S.S. Kozlov**. Overwhelming depression of Russian village in the 90s of the 20th century. Discussion issues: **S.V. Rybakov**. On the cognitive potential of historical sciences; **S.G. Ktsoeva, A.H. Khadikova, Z.T. Plieva, I.V. Lokhova**. VS schema of the world history by K. Jaspers in proving global historic role of the West; **V.M. Novoselov**. V.I. Lenin's health 28.05 – 30.06.1922. Contributions: **M.A. Beznin, T.M. Dimoni**. Farmstead economy of the population as an indicator of dying off of agrarian society in Russia; **A.M. Matsuk**. Automobile passenger transport in the Arctic zone of the European North of Russia (Soviet period); **V.M. Kruzhinov, Z.N. Sokova**. Brest collisions: political struggle on the war and peace issues in Ural; **S.E. Vinogradov**. Perm Gun Factory in plans of manufacturing large-caliber naval gunnery before and during World War One; **S.Yu. Krasnov**. Cultural and educational activities of local correspondents in the customary law ideas of the Don Cossacks in the second half of the XIX century; **L.V. Olshanskaya**. Features of the organization and activities of the Odessa Commercial Court in the XIX century; **N.S. Tsintsadze**. The model of interaction between the Russian state and traditional society in the process of comprehension and solution of acute socio-natural problems of the late XIX — first third of the XX century; **K.A. Golikov**. Socio-cultural aspect of Russia's modernization in XVIII—XXI centuries: from an apothecary garden to the Botanical garden of the Moscow University; **Ya.G. Solodkin**. The institute of interim voivode governance in Siberia in the 17th century; **N.N. Kradin, A.L. Ivliev**. Forgotten Empire: Khitans and their role in world history. For teacher of history: **A.M. Feofanov**. The educational strategies of the Pskov nobility of the second third of the XVIII century. Peoples of Russia: **I.V. Pivovarova**. The national image of Siberia of the end of XIX century (by results of census of 1897); **A.V. Borov, E.G. Muratova**. North Caucasus and revolution of 1905 – 1907: problems of conceptualization. History and fates: **A.A. Chemakin**. P.B. Struve in the White South of Russia in autumn 1919 — winter 1920 (Dedicated to the 100th anniversary of "Reflection on Russian revolution"); **I.V. Vysotskiy, I.A. Safonov**. Historical and economic views of L.E. Shishko as a representative of the ideology of the movement of the narodniks; **A.V. Malinov, V.N. Morozov, L.G. Tonoyan**. "I did the best thing of my life...": V.I. Lamansky's work in Venice archives.

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.

Регистрационный номер № 894

Главный редактор П. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

М. Ц. Арзаканян, Б. Д. Гальперина, Г. А. Гребенщикова, В. Г. Кикнадзе, М. А. Лагода,
Р. Г. Ланда, Е. П. Лебедева, Е. А. Мельникова, Э. И. Перегудова, В. В. Поликарпов,
А. Н. Цамутали, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Присланные материалы после рецензирования не возвращаются

Редакция не имеет возможности вступать в переписку

Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 12 (1), 2019

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Селезнёвская улица, дом 11А, строение 2, 7-й этаж, офис 14, Москва, 127473.

Телефоны: (495) 741-65-18, (495) 741-65-17. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.11.2019. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 900. Заказ 2974-2019. Индекс 70145.

Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»